

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 3 мѣсяца 5 франк.
» 2 мѣсяца 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

15⁰⁰ ФЕВРАЛЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Университетская автономія и чиновническій произволъ. — 2) Нѣмецкій ученый 30-хъ годовъ о тогдашней Толстовщинѣ. — 3) Къ университетскому вопросу (письма въ редакцію «Вольнаго Слова»): I. Опрсовъ и студенческія волненія въ Казани. II. Университетскіе урядники. — 4) О письмѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова. — 5) Замѣчательный побѣтъ. — 6) Земскіе проекты. III. Елизаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земствъ. — 7) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ. IV. З. С. — 8) Польскій проектъ всероссійской политической реформы. X. С. — а. — 9) Изъ бумагъ редакціи «Колокола». I. Иркутское письмо М. А. Бакуну на къ А. И. Герцену. (Окончаніе). — 10) Рабочій день и фабричное законодательство. (Продолженіе). В. Г. — 11) Письма о политико-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. VI. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи. (Продолженіе). Н. Жебунева. — 12) Извѣстія и замѣтки: Святосъ семьи въ Россіи. — Хотя бы грамотѣ выучились. — Гг. Побѣдоносцевъ и Героглифъ. — Комиссія тайныхъ совѣтниковъ и семинаристовъ. — Работа Тверскаго земства и проектъ гг. Кадѣбу. — Вымышленная прокламація.

Жебунева, 15 февраля 1883.

Читатели найдутъ далѣе нѣсколько занозъ, дамы, но все же характерныя свѣдѣнія о причинахъ волненій въ казанскомъ университетѣ, а также письмо объ университетской инспекціи въ Харьковѣ, которую наши корреспонденты совершенно вѣрно приравниваютъ къ урядникамъ. Свѣдѣнія эти, полагаемъ, прибавляютъ новыя данныя къ вопросу, о которомъ событія послѣднихъ мѣсяцевъ заставляли насъ говорить нѣсколько разъ и о которомъ, впрочемъ, мы все избѣгали говорить подробно, думая, что въ Россіи онъ неразрѣшимъ безъ рѣшенія болѣе широкаго вопроса: объ общей политической свободѣ. Но вопросъ этотъ стоитъ на лицѣ между прочимъ и въ видѣ устава университетовъ, который теперь внесенъ въ государственный совѣтъ, и требуетъ, чтобы о немъ высказались всѣ отъѣлки общественнаго мнѣнія съ извѣстной полнотою. Послѣднее необходимо между прочимъ и потому, что объ этомъ университетскомъ вопросѣ существуетъ до того неясное представленіе и въ самомъ обществѣ, что среди него даже элементы далеко не реакціонные готовы сойтись, хоть по нѣкоторымъ пунктамъ вопроса, съ завѣдомо реакціоннымъ правительствомъ.

Мы уже мимоходомъ замѣтили это, указывая на неудовольствіе, выразившееся въ нѣкоторыхъ либеральныхъ газетахъ противъ университетской автономіи, по уставу 1863 г., которая-де являлась автономіей профессоромъ

гешефтмахеровъ. Неудовольствіе это было бы совершенно законно, если бы оно не сопровождалось отрицаніемъ принципа корпоративной автономіи вообще и удовольствіемъ при ожиданіи устава, который окончательно отдастъ наши университеты въ руки министерства и его агентовъ.

Прежде всего совершенно напрасно бы кто считалъ, что уставъ 1863 г. вводилъ въ Россію полную автономію университетовъ, — а не одно только нѣкоторое административное самоуправленіе старшихъ по службѣ профессоромъ (ординарныхъ и экстраординарныхъ) при постоянномъ однако же контролѣ и вмѣшательствѣ попечителей и министра. Уставъ этотъ, во первыхъ, поставилъ въ совершенно безправное положеніе доцентомъ, — за тѣмъ не только не обезвѣчилъ корпоративной организаціи студентовъ, но разбилъ даже ту, которая фактически уже выработалась жизнью въ 1857—1862 гг. и которая въ нѣкоторыхъ университетахъ (напр., въ Кіевѣ, благодаря управленію Пирогова) достигла весьма широкихъ размѣровъ. Уставъ этотъ, наконецъ, не давалъ главной изъ академическихъ свободъ: свободы науки *). При-

*) Вотъ какъ опредѣляли мы въ одной изъ нашихъ брошюръ, писанной еще во времена Л. Мелковскихъ вѣяній, — когда, послѣ отставки гр. Толстого многіе увлекались иллюзіями о наступленіи мира въ нашихъ высшихъ школахъ, — три круга академическихъ свободъ, существующихъ въ цивилизованныхъ странахъ:

«Академическое общество или даже академическое государство, Civitas academica, какъ говорятъ на Западѣ, общество спеціальное, составленное изъ индивидуумовъ извѣстнаго труда, а также изъ тѣхъ, которые учатся у нихъ этому труду и его приложенію. Всего скорѣе можно сравнить школу, особенно высшую, съ фабрикой, въ которой мы видимъ полныхъ рабочихъ и учениковъ, переходящихъ постепенно въ полные рабочіе. Очевидно, что спеціальное это общество должно имѣть извѣстную дисциплину, выходящую изъ сущности процессовъ своего производства и, конечно, соотвѣтственную возрасту членовъ корпораціи. Но очевидно также, что общество это должно имѣть и свою свободу и въ цѣломъ, и въ частяхъ. Свобода эта по отношенію къ окружающей средѣ должна выражаться въ извѣстномъ самоуправленіи, которое бы не допускало до распоряженія въ дѣлахъ корпораціи людей и вѣдомствъ, которыя, не имѣя спеціальной подготовки или имѣя цѣли совсѣмъ противоположныя цѣлямъ корпораціи, портили бы самый предметъ ея производства, — науку. Затѣмъ самый этотъ, такъ сказать, товаръ, наука требуетъ, для успешности своего производства, свободы мысли, т. е. слова, которая поэтому и есть самая главная изъ всѣхъ свободъ академическихъ. Такъ какъ въ высшихъ школахъ въ производствѣ научнаго товара участвуютъ вовсе не одни полные рабочіе, профес-

сомъ нѣкоторая автономія профессорской аристократіи, будучи открыта для административныхъ вліяній, не была поставлена подъ контроль общественнаго мнѣнія свободной печати, а тѣмъ болѣе областнаго представительства. Только въ томъ случаѣ, если бы испробована была такая полная автономія, какаю сейчасъ нами намѣчена, можно бы было рѣшать, годенъ ли негоденъ для нашихъ высшихъ школъ принципъ автономіи.

Совершенно напрасно записываютъ на счетъ автономіи университетовъ и равнодушіе къ наукѣ и гешефтмахерство многихъ изъ профессоромъ. Что въ общемъ теперь научный уровень нашего профессорства повысился противъ прежняго, — это, казалось бы, не требуетъ и доказательствъ. Теперь во всякомъ случаѣ каждый, самый лѣнивый факультетъ можетъ указать на томы сочиненій своихъ членовъ, которыя не безызвѣстны и за границей, тогда какъ двадцать-тридцать лѣтъ назадъ даже сочиненія тогдашнихъ университетскихъ знаменитостей были по большей части компиляціей заграничныхъ книжекъ. Мы справедливо возмущаемся, видя профессоромъ редакторами офиціозныхъ газетъ (Кіевлиннѣ, Волжско-Камскій Вѣстникъ) или деректорами грюндерскихъ банковъ, — попомнимъ, что въ Николеевскіе времена профессора заурядъ бывали цензорами (одни изъ видовъ заплочнаго мастерства), держали богатыхъ пансіонеровъ, которыхъ проводили въ студенты и кандидаты, при- нуждали студентовъ брать у нихъ уроки передъ экзаменами и брали за это плату даже серебряными ложками. Наконецъ, если уни-

сора, но и ихъ помощники-ученики, студенты, такъ какъ самое усвоеніе этими послѣдними мыслей профессоромъ есть тоже работа, а не пассивное только потребленіе, и работа, требующая, для успешности своего процесса, тоже свободнаго обмена мыслей, то поэтому свобода научнаго слова есть необходимое условіе и для студентовъ высшихъ школъ. Эта свобода слова должна существовать для каѣдры, для научныхъ собраній профессоромъ и студентовъ вмѣстѣ и студентовъ отдѣльно, а также для академической печати. Наконецъ, постоянный совмѣстный трудъ порождаетъ между членами высшей школы, между преподавателями и студентами (порознь и вмѣстѣ), цѣлый рядъ личныя связи, которая тоже естественно влекутъ ихъ къ совмѣстному удовлетворенію чисто личныя потребности: совмѣстнаго преподаванія времени, взаимной помощи и т. п. Отсюда вытекаетъ потребность въ чисто товарищескихъ учрежденіяхъ, каковы клубы, читальни, кассы помощи и т. п., которыя требуютъ для себя тоже извѣстной свободы».

вѣрили такому заявленію инспектора, такъ какъ у насъ дѣйствительно очень рѣдко бываетъ, чтобы человекъ, просидѣвшій въ тюрьмѣ 3 мѣсяца, былъ освобожденъ, несколько не скомпрометировавъ себя въ глазахъ жандармовъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда Н—нъ уже былъ въ Киевскомъ университетѣ, обнаружилась вся истина объ отношеніи къ нему инспектора.

Н—нъ, томясь уже болѣе мѣсяца въ одиночномъ заключеніи и не будучи никѣмъ допрашиваемъ, послалъ, наконецъ, на имя генералъ-губернатора прошеніе объ ускореніи его дѣла, такъ какъ онъ, сознавая свою невинность, увѣренъ въ освобожденіи, — замедленіе же слѣдствія по его дѣлу поведетъ лишь къ тому, что онъ, Н—нъ, можетъ напрасно потерять цѣлый годъ. Въ отвѣтъ на поданное прошеніе къ Н—ну въ камеру явился жандармскій майоръ и объяснилъ ему, что ни онъ самъ, ни прокуроръ не знаютъ, въ чемъ его обвиняютъ; арестовать же онъ былъ по просьбѣ инспектора, который, однако, до сихъ поръ не доставилъ въ жандармское управленіе никакихъ свѣдѣній. Въ утѣшеніе Н—на майоръ обѣщалъ ему скорѣй лично переговорить о немъ съ инспекторомъ. Однако, только послѣ вторичнаго прошенія, вновь поданнаго Н—нымъ генералъ-губернатору, онъ былъ освобожденъ въ томъ же невинномъ своей преступности.

Освобожденный Н—нъ явился въ инспекцію за разъясненіемъ причинъ своего ареста. Но инспекторъ отъ всего отпѣкивался и открещивался, увѣряя, что это «наглій вымыселъ жандармскаго майора», и даже укорялъ Н—на, что онъ могъ повѣрить жандармской клеветѣ на «представителя университета» (!). Но тутъ же Н—нъ былъ приглашенъ инспекторомъ къ попечителю, гдѣ онъ долженъ былъ дать подписку въ томъ, что обязывается все случившееся съ нимъ хранить въ тайнѣ, не разглашать въ свѣдѣній на инспектора клеветы; въ случаѣ же нарушенія данной имъ подписки, онъ долженъ былъ подвергнуться немедленной высылкѣ въ Восточную Сибирь.

Нуждаются ли подобныя мерзости въ какихъ либо комментаріяхъ? Удивительно ли, что описанный здѣсь случай вызвалъ студентовъ на цѣлый рядъ сходокъ, которые только счастливымъ образомъ кончились безъ жертвъ? Что же это будетъ при новомъ, Катковскомъ уставѣ?

О высылкѣ гг. Михайловскаго и Шелгунова мы получили слѣдующія свѣдѣнія: Оба эти писателя находились въ числѣ гостей на вечерѣ, устроенномъ студентами Технологическаго института. Было около 2-хъ часовъ ночи, когда г. Михайловскій и Шелгуновъ случайно проли мимо так. наз. «мертвецкой». Въ послѣднее время отведеніе особыхъ комнатъ для т. наз. мертвецкой на студенческихъ вечерахъ запрещено, такъ какъ тамъ часто полупьяными студентами произносились рѣчи *); но студенты, по старой привычкѣ, все таки сконились въ одной комнатѣ около буфета и прозвали ее мертвецкой.

Полупьяная группа студентовъ, увидѣвъ гг. Михайловскаго и Шелгунова, при восторженномъ шумѣ, втащили ихъ въ эту неразрѣшенную мертвецкую и пристали къ г. Михайловскому, чтобы онъ произнесъ какую нибудь рѣчь. Сначала тотъ не соглашался, но потомъ не устоялъ и заговорилъ о долгѣ и чести. Мысли, высказанныя имъ въ этой рѣчи, конечно, онъ не разъ гораздо яснѣе и рельефнѣе выражалъ въ своихъ статьяхъ, которыхъ, какъ извѣстно, цензура не останавливала. А г. Шелгуновъ во время рѣчи одобрительно кивалъ головой и по окончаніи ея, выскочилъ съ студентами, аплодировалъ г. Михайловскому. Такого преступленія, за которое они были высланы изъ Петербурга!!

Теперь многіе говорятъ о закрытіи журнала «Дѣло», такъ какъ г. Шелгуновъ лишентъ ре-

*) Студентамъ самимъ слѣдовало бы сплю своего общественнаго мнѣнія поддѣйствовать такъ, чтобы на ихъ вечерахъ не было «мертвецковъ».

(Ред.)

дакторскихъ правъ, а представленный на мѣсто его г. Станюковичъ до сихъ поръ не утверждёнъ. Онасаются, чтобы г. Толстой такъ и не оставилъ журналъ «Дѣло» безъ отвѣтственнаго редактора; тогда «Дѣло», по истеченіи извѣстнаго срока, само собою закроется.

Замѣчательный побѣгъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ передаетъ намъ слѣдующее письмо: «Жизнь въ Верхоянскѣ (Якутск. области, подл. 67 1/2° с. ш.) такъ насъ измучила, что мы рѣшились выплыть по Янѣ пробраться въ Ледовитый океанъ, а оттуда въ Россію. Задумано — сдѣлано. Выстроили наусуную лодку на 9 человекъ и, какъ только вскрылась Яна, мы отправились въ путь въ компаніи съ 2 скопцами и однимъ ссыльнымъ французомъ. 15 Юня мы уже были въ устьяхъ Яны, въ трехъ верстахъ отъ океана, на притоцѣ Огонерь—Эсл, высадились на берегъ для отдыха и окончательнаго исправленія лодки къ океаническому плаванію. Дорога наша прямо къ сѣверу затруднялась постоянными вѣтрами, но плыли мы довольно скоро и безъ особенныхъ приключеній. Тѣмъ не менѣе войти въ море намъ не удалось. 16 Юня насъ нагналъ помощникъ исправника съ 5 козаками, ихъ командиромъ и 20 Якутами. Всѣхъ насъ арестовали и вывѣстъ съ «Побѣжденной Королевой» (такъ мы послѣ назвали свою наусную лодку) повезли обратно вверхъ по теченію до поселка Козачьяго. Здѣсь мы будемъ ждать до перваго зимняго пути, такъ какъ лѣтняго тракта до Верхоянска нѣтъ».

ЗЕМСКАЯ ПРОБЛЕМА.

III.

Елисаветградская записка о препятствіяхъ къ дѣятельности земства.

Въ Елисаветградскомъ земскомъ собраніи 1881 года была представлена однимъ изъ гласныхъ отдѣльная записка или докладъ о необходимости ходатайствовать передъ правительствомъ объ устраненіи нѣкоторыхъ условій, вредящихъ дѣятельности и успѣху земскихъ учреждений. По выслушаніи записки, собраніе, не входя въ подробное обсужденіе ея во всѣхъ частяхъ, но признавъ вопросы, затронутые ею, заслуживающими самаго серьезнаго вниманія, постановило: передать ее на разсмотрѣніе и обсужденіе губернскаго земскаго собранія.

Въ упомянутой запискѣ, между прочимъ, говорится, что прошло уже 16 лѣтъ со времени открытія земскихъ учреждений, срокъ вполнѣ достаточный, чтобы земскія учрежденія принесли должные, ожидаемые результаты и заняли въ общественной организаціи то почетное мѣсто, которое надлежитъ имъ имѣть. Но, не смотря на такой продолжительный срокъ, всякій долженъ сознаться, что земское дѣло не сдѣлало особенно замѣтнаго шага впередъ.

Многіе хорошіе дѣятели, увлекавшіеся вначалѣ земской дѣятельностью, начали по немногу отдаляться отъ нея. Чаше и чаше начинаютъ раздаваться жалобы на неудовлетворительность хода и развитія земскаго дѣла; жалобы на то, что налоги изъ года въ годъ увеличиваются и расходуются, не принося, повидимому, существенной пользы Россіи и населенію. Отъ всего этого земское дѣло утрачиваетъ свое значеніе, и лица, стоящіе близко къ нему, начинаютъ относиться къ вопросамъ, касающимся его, поверхностно. Несомнѣнно, что это охлажденіе къ земству зависитъ отчасти отъ того, что первоначально на него возлагались чрезвычайныя большія надежды, въ немъ видѣли и ожида-

ли рѣшенія такихъ дѣлъ, которыя фактически не предоставлены его вѣденію, но, не смотря на все это, кромѣ этихъ причинъ, въ неудовлетворительности земскаго дѣла кроются другія, болѣе существенныя и серьезныя.

Обязанности земства по «Положенію» состоятъ въ заботахъ о нуждахъ и пользахъ мѣстнаго населенія, въ случаѣ же невозможности удовлетворить эти нужды самостоятельно — ходатайствовать о нихъ передъ высшимъ правительствомъ. Такимъ образомъ, по первоначальному смыслу, земство является, какъ будто посредникомъ между правительствомъ и населеніемъ. Для исполненія возложенныхъ на земство обязанностей оно должно было хорошо и обстоятельно ознакомиться съ мѣстными нуждами населенія, имѣть право свободно и открыто высказываться о нихъ и, главное, пользоваться достаточнымъ довѣріемъ и авторитетностью у правительства.

Но такъ какъ большинство земскаго населенія составляетъ населеніе сельское, то по этому первоначальной работы земствъ и были направлены къ изслѣдованію нуждъ крестьянства. Представители земствъ, выскочивъ съ этимъ, хорошо понимали, что для удовлетворенія нуждъ населенія необходимо самое полное и тщательное знакомство и изученіе положенія населенія, такъ какъ отсутствіе этого знакомства могло повести къ тому, что нужды болѣе серьезныя остались неудовлетворенными, а менѣе важныя — исполненными.

Въ силу этихъ соображеній земству пришлось, на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, обратиться къ сельскимъ и волостнымъ управленіямъ, во первыхъ, какъ къ ближайшимъ органамъ сельскаго населенія и, во вторыхъ, потому что и эти органы имѣли своей заботой и цѣлью также попеченіе о нуждахъ сельскаго населенія.

Но вначалѣ же земству пришлось убѣдиться въ полной несостоятельности и неудовлетворительности сельскихъ учреждений и по необходимости нужно было отыскивать другіе способы для улучшенія положенія сельскаго населенія. Но способовъ этихъ, однако, не нашлось или они не были представлены земству, и поэтому оно снова должно было обратиться къ тѣмъ же сельскимъ органамъ, не смотря на ихъ несостоятельность.

Понятно само собою, что все это не могло не отразиться вредно на успѣхѣ земской дѣятельности.

Такимъ образомъ, лучшее устройство сельскихъ учреждений является первой и одной изъ важныхъ потребностей для успѣха земскаго дѣла.

Помимо волостныхъ и сельскихъ управленій существуютъ въ земствѣ сельскіе гласные, которые могли бы способствовать земскому дѣлу, какъ сами выбранные изъ той же среды. Но дѣло въ томъ, что сельскіе гласные избираются не мѣстными сельскими обществами или волостями, а избирательными съѣздами, состоящими изъ лицъ, совершенно не знающихъ другъ друга, и представляющихъ обществу, находящемуся между собою на большомъ разстояніи; дѣлать какія либо уваженія выборнымъ съѣздамъ не имѣютъ права. Отъ этого происходитъ то, что гласные, заставля-

ице въ земствѣ и повидимому должествующе знать потребности населенія, въ дѣйствительности ихъ вовсе не знаютъ. Для устранения этого необходимо избирать гласныхъ не на сѣздахъ, а по волостямъ и, кромѣ этого, сельскимъ обществамъ должно быть предоставлено право давать своимъ выборнымъ инструкціи или указанія, для чего и должно быть допущено, при выборахъ гласныхъ, обсужденіе вопросовъ, предстоящихъ рѣшенію земскихъ собраний. Наконецъ, нужно рассмотреть, въ какое отношеніе было поставлено земство къ правительственной власти и пользовалось ли ея довѣріемъ. Самый лучший въ этомъ отношеніи отвѣтъ могутъ дать различныя дополнительныя законоположенія, изданныя уже послѣ введенія земскихъ учреждений. Мы постараемся ихъ перечислить, по крайней мѣрѣ выдающіеся изъ нихъ.

Законъ 21 ноября 1867 года, ограничивающій право земства облагать сборами торговлю и промышленныя заведенія. На сколько этотъ законъ вреденъ для земства, въ смыслѣ заботы его о пользахъ населенія, лучше всего характеризуетъ та неравномѣрность обложенія, которая существуетъ между торговлей и сельскимъ населеніемъ. Что касается до справедливости изданія этого закона, то она лучше всего видна изъ доклада Петербургской земской управы, 3 января 1867 года. Управа говоритъ между прочимъ, что, издавая такой законъ, правительство выслушало одностороннее мнѣніе высшей администраціи. Потому, что не могло быть причины къ ограниченію земскихъ правъ въ дѣлѣ обложенія и торговли, такъ какъ на несправедливость земскихъ въ этомъ отношеніи раскладокъ, жалобъ не поступало. § 11 этого закона предписываетъ при обложеніи торговли и промышленности земскими сборами ставить въ основаніе только цѣнность помѣщенія, не касаясь цѣнности и доходности самого промысла; параграфъ этотъ совершенно противорѣчитъ 9 и 10 статьямъ временныхъ правилъ о земскихъ учрежденіяхъ. Далѣе докладъ управы говоритъ, что ставить торговлю и промышленность въ исключительныя условія — далеко несправедливо, — что сельская земельная промышленность находится вездѣ въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ торговля, — что, благодаря этому закону, все земскія тяжесты въ отношеніи налоговъ по необходимости должны были упасть на одно сельское населеніе, что совершенно несправедливо. Сельское населеніе и безъ того уже несетъ слишкомъ много тягостей. Выслушавъ докладъ управы и всесторонне обсудивъ дѣло, собраніе постановило: войти съ ходатайствомъ къ правительству объ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 года. Постановляя о подачѣ ходатайства, докладъ между прочимъ говорилъ, что до настоящаго времени на ходатайства земства не обращается никакого вниманія, что они задерживаются и остаются безъ всякихъ разрѣшеній и отвѣтовъ по единоличной власти министра, потому докладъ полагалъ необходимымъ для успѣховъ земства представить въ сенатъ жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ. Результатомъ всего этого было, какъ извѣстно, временное закрытіе земскихъ учреждений въ Петербургской губерніи.

Статья 43 пол. о зем. учред. говоритъ

объ обязательномъ предсѣдательствѣ въ земскихъ собраніяхъ предводители дворянства. Къ дополненію этой статьи 13 іюля 1867 года, была издана инструкція, по которой предсѣдателямъ уже предоставлялось право: лишать гласныхъ слова и права голоса, не допускать къ обсужденію въ собраніи вопросовъ, которые онъ найдетъ по своему усмотрѣнію но чему либо несогласными съ законами и, наконецъ, даже право закрытія земскихъ собраний. Въ заключеніе этотъ законъ добавляетъ, что при незакрытіи собраний, въ которомъ были поставлены для обсужденія вопросы, несогласные съ законами, предсѣдатель подвергается наказанію по статьѣ 64 улож. о наказ. Какъ видите, права слишкомъ обширныя и неисполненіе ихъ винуительно наказывается. Принявъ же во вниманіе, что предсѣдатели не избираются земствомъ, а суть представители одного сословія; потому, какъ всякій человѣкъ, способный ошибаться, особенно при эластичности нѣкоторыхъ нашихъ законовъ, принявъ во вниманіе, что, наконецъ, нельзя уже совершенно отрицать возможности въ предсѣдателяхъ непріязни къ земству или преобладанія сословныхъ интересовъ, — будетъ совершенно ясно это ограниченіе земства и значеніе приведенной инструкціи. Практика земства, за 16 лѣтъ постоянно иллюстрированная злоупотребленіями предсѣдателей, также вполне ясно указываетъ значеніе этого закона для земства. Допустивъ даже предсѣдательство людей вполне образцовыхъ, и тутъ этотъ законъ можетъ выразиться въ стѣснительномъ смыслѣ для собраний. Гласные, боясь подвести уважаемаго предсѣдателя подъ наказаніе за незакрытіе собраний, по необходимости сдерживаются въ своихъ сужденіяхъ и предложеніяхъ, отчего земскія собранія терпятъ уже въ значительной степени свою гласность, отчего, разумѣется, и свободное обсужденіе дѣлъ невозможно.

8 октября 1868 года, по циркулиру министра, отчеты земскихъ управъ могутъ быть печатаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернаторовъ и въ опредѣленномъ, ограниченномъ количествѣ. Что же касается опубликованія преній и сужденій въ земскихъ собраніяхъ, то такъ какъ, по закону, земствамъ не предоставлено права публиковать ихъ гдѣ либо, то и печатаніе ихъ можетъ быть допущено въ исключительныхъ только случаяхъ, въ видѣ изыятія и не иначе, какъ съ особаго дозволенія начальника губерніи. Если къ этому прибавить еще воспрещеніе взаимныхъ между земствами сношеній, то будетъ понятно, на сколько такое положеніе вредитъ успѣху земскаго дѣла.

30 Мая 1866 г. запрещено зем. собраніямъ выдавать гласнымъ пособия на поѣздки въ земскія собранія. Такое запрещеніе само собою стѣсняетъ выборъ и дозволяетъ сельскимъ обществамъ выбирать въ гласные только лицъ состоятельныхъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть о законоположеніяхъ 4 іюня, 19 августа и 26 сентября 1879 года.

Закономъ 4 іюня дозволяется имѣть въ школахъ учителей не иначе, какъ съ дозволенія и одобренія учебнаго начальства, хотя бы эти учителя и имѣли уже законное право на преподаваніе въ школахъ.

Закономъ 19 августа дано право губернаторамъ удалять отъ исполненія служебныхъ обязанностей членовъ земскихъ управъ, выбранныхъ собраніемъ, въ томъ случаѣ, если онъ признаетъ ихъ почему либо неблагонадежными *).

По закону 26 сентября губернаторы, представляя списки выборныхъ въ мировые суды лицъ, вмѣстѣ съ этимъ должны дѣлать свои замѣчанія о нравственныхъ качествахъ этихъ лицъ и ихъ благонадежности.

Не говоря уже о правѣ губернаторовъ въ отношеніи примѣненія административныхъ ссылокъ, неоднократно уже практиковавшихся въ земствѣ и имѣющихъ подавляющее значеніе на земскихъ дѣятелей, если прибавить къ этому законъ 1874 года о народныхъ школахъ и рядъ циркуляровъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія, которыми роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія совершенно служена, то отвѣтъ на поставленный выше вопросъ объ отношеніяхъ правительства къ земству будетъ вполне ясенъ.

Въ заключеніе докладъ говоритъ, что при настоящихъ условіяхъ земскія учрежденія не могутъ выполнять всѣхъ лежащихъ на нихъ обязанностей, а потому признаетъ нужнымъ ходатайствовать предъ правительствомъ о нѣжеслѣдующемъ:

1) О реорганизаціи волостныхъ и сельскихъ управленій; при чемъ земскія учрежденія и управленія должны имѣть между собою органическую связь.

2) Объ измѣненіи порядка выбора гласныхъ.

3) О правѣ избирателей давать инструкціи и о разрѣшеніи на избирательныхъ сѣздахъ обсуждать тѣ вопросы, которые могутъ быть разсматриваемы въ земскихъ собраніяхъ.

4) Объ измѣненіи 43 ст. пол. о земскихъ учред. въ томъ смыслѣ, чтобы избраніе предсѣдателя было предоставлено самимъ собраніямъ.

5) Объ измѣненіи инструкцій 13 іюня 1867 г., при чемъ пункты 6, 7, 9 и 19 должны быть отняты и ответственность за нарушеніе закона возлагается на каждого лично.

6) Объ отмѣнѣ закона 21 ноября 1866 г.

7) Объ изыятіи всѣхъ земскихъ отчетовъ и докладовъ земскихъ управъ отъ предварительной цензуры и о разрѣшеніи повременнымъ изданіямъ печатать все пренія и постановленія земскихъ собраний безъ предварительнаго разрѣшенія губернаторовъ.

8) Объ отмѣнѣ узаконеній 4 іюня и 26 сентября 1879 года.

9) О разрѣшеніи земскимъ управамъ взаимныхъ между собою сношеній по всѣмъ отраслямъ земскаго хозяйства.

10) Объ измѣненіи положенія 1874 г. о начальныхъ школахъ и о предоставленіи земскимъ учрежденіямъ большей самостоятельности въ дѣлѣ народнаго образованія.

и 11) Объ отмѣнѣ права административной ссылки для всѣхъ членовъ земскихъ учреждений.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

IV.

Одной изъ существенныхъ несправедливостей самого Положенія 1864 г. было при-

*) 8 Іюля 1880 г. законъ этотъ, впрочемъ, отмененъ.